

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1-1(Горалик Л.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,445

ГСНТИ 17.82.10

Код ВАК 10.01.01

Н. В. Барковская
Екатеринбург, Россия

РЕЧЬ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ (СТИХОТВОРЕНИЕ ЛИНОР ГОРАЛИК «КОГО ЗАБРАЛИ ИЗ ЖИВЫХ ПЕРЕД ПРОДЛЕНКОЙ...»)

АННОТАЦИЯ. Одна из характерных тенденций в современной поэзии — «новая социальность». Материалом для анализа выбрано стихотворение Линор Горалик «Кого забрали из живых перед продленкой...», фиксирующее речевой поток повседневности, в чем сближается с эстетикой «постдокументальности». Именно речь сохраняет следы множественных психологических травм, обусловленных историческим, социальным, бытовым контекстом XX века. Одним из исходных для интерпретации стихотворения служит тезис М. Фуко о том, что дискурсивная практика всегда опосредована существующими властными отношениями.

Автор демонстрирует механизмы речевого насилия старших над младшими. Концептуальную нагрузку в стихотворении несет контраст речевых «зон» сына и его матери. Эти две «зоны» строятся на противоположных основаниях. Сознание мальчика воплощается в дискурсе романтической свободы; речь матери реализует дискурс власти, бытовую речевую агрессию. Автор-свидетель не обнаруживает своих эмоций, он дает образ речи, а значит, и сознания наших современников. Сиюминутный акт коммуникативного насилия разворачивается в широкий исторический фон, сигналами к которому служат слова, акцентированные повторами или, напротив, своей неуместностью. Немецкий колорит сценической площадки, на которой разыгрывается маленькая драма, требует от читателя дополнительного осмысления исторического и современного культурного контекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; речевая деятельность; анализ стихотворения; детско-родительские отношения; семейное воспитание; коммуникативное насилие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Одна из заметных тенденций в современной поэзии — так называемая «новая социальность». Задача статьи заключается в попытке показать приемы воплощения социального, исторического, культурного опыта в языке актуальной поэзии, критически представляющей повседневную речевую практику. Каким образом современный поэт конструирует из речевого «сора» вполне определенный и оцененный образ мира?

В журнале «Зеркало» (№ 48 за 2016 г.) опубликована подборка новых стихотворений Линор Горалик. Первое из них можно интерпретировать как пример меморизации детской травмы.

кого забрали из живых перед продленкой
бежит и крошечное яблочко кусает
летит в делирии под липами дер линден
летит пушинкой в распростертые объятья
пока они десятиречные глаголы
сияя сольфеджио остзейского союза
на пыльном глобусе скрипучего цайтгайста
в конторских закутках где шредеры
скрежещут
и в узких спальнях для трудных упражнений —
а он несется в лучезарном упоенье
теряет чешки, пролетая над калиткой,
и тянет ручки к внеурочному сиянию
гештальт вскрывающую и сладость
приносящу
дай я возьму огрызок ты липкий
куда руками я возьму тебе сказали
покаж где чешки, чешки, почему без чешек
ну значит будешь босиком авось запомнишь
[Горалик 2016]

Стихотворение не рисует сколько-нибудь воплощенных образов персонажей, это некие мальчик («он, кого забрали...») и его мама («я»), фон составляют «они» (занятые нудной учебой или не менее скучной службой), противопоставленные родственной паре Мать и Дитя. Основным способом представления персонажей выступает речь, решающим событием, запустившим механизм памяти («авось запомнишь»), является дискурсивный контраст и коммуникативное насилие старшего над младшим. Главный предмет изображения в данном стихотворении — образ речи, сплошного речевого потока, процесса говорения. И эта речь (дискурс, т. е. речь, рассмотренная в аспекте диалогического общения) локализована в социально-историческом времени, сигналами которого выступают акцентированные повторами или, напротив, своей неуместностью слова.

Пуант маленькой мизансцены дан в финале. Из 17 строк стихотворения 13 посвящены ребенку, только последние 4 — речевая зона матери. Причем автора интересует не информативная (смысловая) сторона речи (сообщения), а именно дискурсивный контраст речевых зон персонажей, не разграниченных формально (знаками пунктуации).

В. И. Тюпа, рассматривая в ряде своих работ соотношение дискурса и жанра, дискурса и наррации, приводит мнение М. Фуко, как нельзя более подходящее для дискурсивной стратегии в стихотворении Линор Горалик. Согласно М. Фуко, дискурс есть коммуникативная реальность, располагаю-

© Барковская Н. В., 2017

щаяся «между мыслью и речью» [Фуко 1996: 74]. Традиционно называют дискурсом и единичное событие общения, и устойчивую форму социальной практики речевого поведения, т. е. некий тип говорения. В нашем случае важна мысль М. Фуко о том, что дискурсивная практика всегда опосредована существующими в данном социуме властными отношениями.

В стихотворении Горалик состояние мальчика передается со стороны, ребенок словно бы «вне себя» в этот счастливый миг; речь матери — приказ, окрик, команда, выговор. Таким образом, функция речи здесь не информативная, а перформативная: речевой жест отталкивания/наказания/отторжения, «интерсубъективное пространство раз-общения» [Тюпа 2013: 10]. Мальчик переживает момент освобождения, внутренней легкости, яркого счастья. Его «забрали... перед продленкой», т. е. он и тут выступает не субъектом, а объектом чужой воли, ведь в другие дни его не забирают раньше времени. Он преодолевает все преграды, не только стены школы, ограду, калитку, но даже и само земное притяжение: «бежит», «летит», «летит пушинкой», «несется», «пролетает». Ребенок бежит навстречу материнским объятиям «в лучезарном упоенье», «тянет ручки к внеурочному (и забрали раньше обычного времени, и освободили от уроков — Н. Б.) сиянью», переживает состояние сверхвидения (делирий, гештальт), райское блаженство, о чем свидетельствует такая деталь, как яблочко (включающая в ассоциативный ореол всю накопленную в культуре мифопоэтику яблока).

Дискурс ребенка (вернее, относящийся к нему) — это романтический дискурс свободы, по классификации В. И. Тюпы [Тюпа 2010: 113—114]. Романтичен «немецкий» колорит, устаревшие формы слов «вскрывающая», «приносящая». Используется подчеркнуто-книжная лексика, с романтической окраской («летит пушинкой», «в лучезарном упоенье»), противопоставленная «конторским закутам» и «узким спальням для трудных упражнений». Стиховая форма не классична, однако вполне ритмизована, отдаленно напоминая торжественную силлабику: все строки по 13 слогов (правда, без цезуры, так как ситуация разворачивается стремительно), интонационно завершены, сплошные женские клаузулы, эффектные внутренние созвучия. Формируется пусть иллюзорный, но свой, обособленный и уникальный, образ мира.

Однако детский порыв навстречу матери заканчивается психоментальной катастрофой, резким возвращением с небес на зем-

лю — его отталкивают («куда руками?»), им брезгают («ты липкий»). Причем первая строка в «материнской» зоне еще доброжелательна («дай я возьму», «огрызочек»), но уже следующая строка («куда руками я возьму тебе сказали» — характерно множественное число, выражающее авторитарную точку зрения) звучит с раздражением (и строка более напряжена, всего 11 слогов, а не 13). И далее — материнский гнев, угроза, наказание как урок на будущее (возвращается тема школьной несвободы, отрицающая «внеурочность» свободы), хотя провинность вроде бы незначительная и чисто бытовая (потеря чешек). Очевидна обыденность происходящего, т. е. подобная нечуткость к состоянию ребенка — ежедневная норма общения, привычное коммуникативное насилие.

По контрасту с книжной лексикой части, посвященной ребенку, в речевой зоне матери дано обилие просторечий («покаж»), разговорных оборотов («ну значит», «авось»). Ребенок лишен слова, вместо диалога мы слышим только нервный монолог матери. В отличие от ребенка, воспаряющего в какой-то иллюзорный мир, она фиксирует только «ближний» предметный план, здесь и теперь — руки, огрызок, отсутствие чешек. Ее речь использует стереотипные, клишированные обороты, выражающие «коллективное бессознательное», прецедентную картину мира. Ребенку вещи покупают родители, сам он при этом как бы и не хозяин своих вещей. Сравним: герой стихотворения А. Ахматовой, забывший хлыстик и перчатку, не будет наказан за пропажу [Ахматова 1912: 22], а вот в стихотворении С. Маршака, адресованном *детям*, котятки, потерявшие перчатки, просят: «Мама, мама, не злись...» — но мама сердита: «Потеряли перчатки? Вот дурные котятки! Я вам нынче не дам пирога» [Маршак 1968]. Так что ребенок не только лишен права голоса, но и права собственности; не распоряжается он и своим временем, его водят в школу, на продленку, в секцию или кружок (тактика насильной социализации).

Речь матери реализует дискурс власти, авторитет непререкаемого слова, для нее характерны интенция долженствования, однозначные нормы и оценки. Но в классической поэзии дискурс власти тяготел к высоким, нормативным жанрам, излюбленным в так называемом рефлексивном традиционализме, с его эйдетической поэтикой, согласно С. Н. Бройтману [Бройтман 2001: 136—137]. Дискурс матери также ориентирован на «общие места», но отнюдь не высокого канона — это топосы просторечия, воспроизводимые говорящей не рефлексивно,

а на бессознательном уровне. Мать вписана в роевое (коммунальное) сознание, диктующее формы отношений старших к младшим. Вместе с тем в речи матери выражается, если использовать терминологию В. И. Тютю, дискурс роевого сознания, «мы-сознания», строящийся на прецедентной картине мира, служащий сохранению и утверждению существующего миропорядка [Тютю 2010: 101].

Линор Горалик в своих последних произведениях работает именно с дискурсом повседневности.

В книге короткой прозы «Это называется так» опубликован цикл «Говорит:», состоящий из серии очень коротких реплик, фрагментов разговоров, ведущихся по сотовому телефону. Персонажи анонимны, а обрывки высказываний замещают сюжет («...жена пришла, а кошка пахнет чужими духами» [Горалик 2014: 193]), выражают обиду («...что Аня у нее в телефоне — „Дочка“, а я у нее в телефоне — „Катя“» [Горалик 2014: 160]), даже метонимически воссоздают историю страны — так, как она отложилось в бытовом сознании («... располагающие к себе люди. Жена у него, кстати, почти румынка, но дед ее лежит у нас на кургане с нашей стороны» [Горалик 2014: 223]).

В целом это серия жалоб, монологически произнесенных в пустоту (ответных реплик мы не слышим), речевой «мусор» повседневности, «речевой воздух», которым мы все дышим. К оформлению обложки книги дан комментарий: «Объект на обложке: Линор Горалик, „Семейный портрет“ (дерево, архивные препараты Института медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е. И. Марциновского)». На обложке, следовательно, изображены стекла с препаратами — комарами, рядом указано место, дата поимки, пол особи. Институт занимался изучением возбудителей и переносчиков паразитарных болезней, к 1960 г. эпидемиологи победили малярию, занялись изучением клещей и проч. Авторская позиция в цикле «Говорит:» — это позиция исследователя, который препарировал «комаров», отдельных особей, изъятых из коллективного тела — социума с его роевым сознанием. Сотовая связь и Сеть получают метафорическое значение характеристики повседневного существования обезличенных особей, принуждаемых ежедневно осуществлять бытовое и производственное «роевание», жить в спальных районах, где дома с квартирками похожи на соты, общаться по сотовой связи.

В последнее время завоевал популярность термин «лайфлоггинг», означающий фиксацию текущих событий повседневности на автоматические записывающие устрой-

ства. Главная цель лайфлоггинга — не позволить событиям из повседневной жизни ускользнуть от хрупкой человеческой памяти. С. Оробий достаточно продуктивно распространяет технику лайфлоггинга на описание определенных тенденций в современном искусстве [Оробий].

Впрочем, Линор Горалик утверждает, что за редким исключением высказывания в цикле «Говорит:» не подслушаны, а выдуманы. Но в любом случае, такая фиксация устного речевого потока современников выполняет функцию и социального анализа, и меморизации травм коллективной психики.

Стратегия Линор Горалик совпадает с новой тенденцией в современном искусстве, которую называют «постдокументальностью». «Постдок» предполагает художественное исследование невымышленного или имитирующего невымышленное [Постдок]. Линор Горалик предпринимает фиксацию, архивирование, документирование сегодняшнего речевого потока, ее цель — социальная аналитика, препарирование (потому и помещены биологические препараты на обложке). З. Абдуллаева [Абдуллаева 2011: 449], А. Венкова [Венкова 2013: 140—144] отмечают в произведениях «постдок» усиление этической позиции автора при нейтрализации авторского голоса.

Вернемся к стихотворению. Один из проектов Линор Горалик посвящен истории моды, и она, конечно, не случайно так акцентировала слово «чешки». Этот вид спортивной обуви впервые появился в Чехии, где Мирослав Тырш в 1862 г. основал молодежное спортивно-патриотическое движение Sokol [Энциклопедия обуви]. Чешки были популярны в Советском Союзе с середины XX в., но смеем предположить, что речь в стихотворении идет о 1970—1980-х гг. В позднесоветский период детская обувь, в том числе чешки (особенно если требовались белые для занятий гимнастикой или танцами), были дефицитом. Столь резкая реакция матери на потерю чешек может быть объяснена бытовыми тяготами, накопившейся усталостью, постоянной нехваткой денег на самое необходимое. В таком историко-социальном контексте стихотворение прочитывается как проговаривание ранящих детских воспоминаний.

Однако та часть стихотворения, которая посвящена переживаниям мальчика, пронизана «немецкой» темой. Берлинская деталь «липы дер линден» появляется, вероятно, по созвучию со словом «делирий»; дальше упоминаются «остзейский союз» (попытка прибалтийских немцев создать герцогство, подданное прусскому королю), «цайтгайт»

(«дух времени»). Даже название аппарата по измельчению бумаги (шредер) прочитывается почти как фамилия Герхарда Шрёдера, бывшего генеральным канцлером ФРГ в 1998—2005 г., усыновившего девочку и мальчика из детского дома в Санкт-Петербурге; предисловие к мемуарам Шрёдера, изданным на русском языке в 2008 г., написал Дм. Медведев. Шрёдер осуждал вторжение США в Ирак. Выражение «дух времени» отсылает к философии Гегеля, который утверждал, что дух человека определяется духом его времени. В 2008—2011 г. демонстрировался документальный фильм в трех частях американского режиссера Питера Джозефа, также названный «Дух времени». Фильм получил распространение на интернет-сайтах, сервисе *YouTube.com* и вызвал достаточно широкое обсуждение общей концепции фильма, направленной на критику христианской религии и тайной власти международных банкиров (в частности, им инкриминировалась в фильме подготовка атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г.).

Кроме того, начало стихотворения — «кого забрали из живых...» — на фоне «немецкой» темы задает еще одну историческую ассоциацию, особенно в соотнесении с финалом: «будешь босиком». Как известно, в 1930-х гг. Гитлер планировал «окончательное решение еврейского вопроса» путем депортации евреев с немецких территорий и помещения их в специальные гетто, даже на острове Мадагаскар. Концлагеря начали работать позднее, только после провала первоначальных планов. Эта ассоциация не поддерживается основным содержанием произведения, звучит очень неявно, внося, однако, дополнительный смысловой оттенок.

Наконец, если исходить из немецких речей текста и жесткой реакции матери на потерю чешек, можно предположить еще один вариант ситуации: перед нами сценка из жизни эмигрантов так называемой «третьей волны». В произведениях Анны Сохриной, Татьяны Розиной, Людмилы Коль показаны трудности адаптации к новой стране проживания тех, кто уехал из СССР с «советским» менталитетом, часто не зная немецкого языка, не умея найти достойное место работы, вынужденный смириться с понижением социального статуса. На фоне общей неустроенности возникают конфликты между взрослыми и детьми. Так, в рассказе Татьяны Розиной «Жизнь длиною в ночь» девочка Юля (их семья приехала из Казахстана) жалуется: «Понимаешь, мы как в Германию переехали, мать как подменили.

Она всё время психованная. Орёт как припадочная, чуть что не так. Все говорят, что ей лечиться надо. К психиатру...» Девочка старается почаще уходить из дома под предлогами дней рождения подруг, мать не верит: «Вдогонку я расслышала мамины крики: — Вернись только, я тебе покажу... какая дрянь! Мерзавка! Ты у меня научишься взрослых слушаться. Возможно, она кричала что-то ещё, но я была уже далеко. Я бежала, потом перешла на быстрый шаг, потом снова побежала. Слезы лились ручьями по лицу, а я размазывала их, растирая по щекам расплывшуюся с ресниц тушь» [Розина]. Детям, сменившим в 1970—1980-е гг. страну проживания, сейчас как раз около сорока лет, вполне возможно, что стихотворение Горалик высвечивает подобные фантомные боли от психологических травм, полученных в детстве или в подростковом возрасте.

Отметим еще важный аспект в речевой организации стихотворения Горалик — мотив спутанного сознания, отчетливый привкус алогизма, что задается уже медицинским термином «делирий» (бред). «Десятеричные глаголы» — контаминации десятичных дробей с неправильными глаголами; «солясольфеджио» также «пластилиновое слово», состоящее из разных терминов, характерных для уроков музыки в школе (термин А. Левина — В. Строчкова, авторов лингвопластики как одной из поэтических стратегий постмодернизма [Левин 2001: 169—184]). В свою очередь, уроки музыки «слипаются» с уроками истории и «пыльным глобусом»... Невротичная реакция матери на потерю чешек, состоящая из набора почти бессвязных приказов-выкриков, также свидетельствует о душевном неблагополучии.

Подводя итоги, отметим, что рассогласованность дискурсивных практик матери и сына, отсутствие здравого смысла, неясность прорисовки как «действующих лиц», так и «сцены», на которой разыгрывается эта маленькая драма, при абсолютной обыденности психологического насилия и готовой прорваться в любой момент агрессии — все это воссоздает мир, пугающий своей враждебностью по отношению к личности. Бумажные документы можно уничтожить конторскими шредерами, но сама речь сохраняет отпечатки множественного травматического опыта нескольких поколений, являясь документом эпохи. Ребенок усваивает речевое насилие как норму общения, входит в жизнь с этим бэкграундом. Автор-свидетель не обнаруживает своих эмоций, он дает образ речи, а значит, и сознания наших современников, ставит диагноз нашему обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева З. Постдок. Игровое/неигровое. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. 480 с.
2. Ахматова Анна. Вечер. Стихи. — СПб. : Цех поэтов, 1912. 92 с.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. — М. : РГГУ, 2001. 320 с.
4. Венкова А. В. Постдокументальная визуальность и ужас реального // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 2. С. 140—144.
5. Горалик Линор. Это называется так (короткая проза). — М. : Dodo Magic Bookroom, 2014. 384 с.
6. Горалик Линор. Стихи // Зеркало. 2016. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2016/48/stihi.html> (дата обращения: 10.03.2017).
7. Левин А. Орфей необязательный. — М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Колонна, 2001. 192 с.
8. Маршак С. Я. Произведения для детей. — М. : Художественная литература, 1968. (Собр. соч. в 8 т. ; т. 2).

N. V. Barkovskaya
Ekaterinburg, Russia

SPEECH AS A DOCUMENT OF THE EPOCH (THE POEM BY LINOR GORALIK)

ABSTRACT. *One of the current trends in modern poetry is “new sociality”. The material for this research is the poem “Who was picked up before the homework club” by Linor Goralik. It describes the routine of daily life and is close to “postdocumentalism”. It is the speech that keeps the mark of the multiple psychological traumas caused by the historical, social and everyday context of the XXth century. One of the initial statements used for the interpretation of the poem is that of M. Fuko, who wrote that discursive practice is always influenced by the existing authoritative relations.*

The paper describes the mechanisms of verbal violence of the older on the younger. The contrast of the speech “zones” of the son and his mother has a special conceptual importance in the poem. These “zones” are built on the contradictory bases. The boy’s consciousness is embodied in the discourse of romantic freedom; the speech of the mother imitates the discourse of power, verbal aggression. The author is the witness who doesn’t express her emotions; she gives the speech a definite image, and consequently describes the minds of our contemporaries.

Instantaneous act of communicative violence develops into a broad historical background, the signals of which are the words marked by repetition, or, on the contrary, by their inappropriateness. The German tint of the scene of the drama makes the reader consider the historical and contemporary cultural context.

KEYWORDS: *Russian poetry; Russian female poets; poetic works; speech; poem analysis; relations between parents and children; family upbringing; communicative violence.*

ABOUT THE AUTHOR: *Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Abdullaeva Z. Postdok. Igrovoe/neigrovoe. — М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 480 s.
2. Akhmatova Anna. Vecher. Stikhi. — SPb. : Tsekh poetov, 1912. 92 s.
3. Broymtan S. N. Istoricheskaya poetika. — М. : RGGU, 2001. 320 s.
4. Venkova A. V. Postdokumental'naya vizual'nost' i uzhas real'nogo // Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2013. № 2. S. 140—144.
5. Goralik Linor. Eto nazyvaetsya tak (korotkaya proza). — М. : Dodo Magic Bookroom, 2014. 384 s.
6. Goralik Linor. Stikhi // Zerkalo. 2016. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2016/48/stihi.html> (data obrashcheniya: 10.03.2017).
7. Levin A. Orfey neobyazatel'nyy. — М. : АРГО-РИСК ; Тверь : Колонна, 2001. 192 с.
8. Marshak S. Ya. Proizvedeniya dlya detey. — М. : Khudozhestvennaya literatura, 1968. (Sobr. soch. v 8 t. ; t. 2).

9. Orobiiy S. Dzhoyis, Dzhobis i poetika fluda. URL: <http://literatura.org/nosleep/criticism/353-sergey-orobiy-vse-ch-to-ugodno-tolko-ne-roman.html> (data obrashcheniya: 08.09.2016).

10. Postdok. O novom termine. «Kruglyy stol» // Iskusstvo kino. 2012. № 1. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2012/01/n1-article> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

11. Tyupa V. I. Diskurs / zhanr. — М. : Intrada, 2013. 211 с.

12. Tyupa V. I. Diskursnyye formatzii. Ocherki po komparativnoy ritorike. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. 320 с.

13. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / M. Fuko. — М., 1996. 448 с.

14. Entsiklopediya obuvi. URL: <http://mir-obuvi.org/obuv/163-cheshki-obuv-dlya-tancev-i-gimnastiki.html> (data obrashcheniya: 14.02.2015).

15. Rozina T. A. Zhizn' dlinoyu v noch' // Samizdat. URL: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/lebenineinacht.shtml (data obrashcheniya: 14.02.2015).

9. Orobiiy S. Dzhoyis, Dzhobis i poetika fluda. URL: <http://literatura.org/nosleep/criticism/353-sergey-orobiy-vse-chto-ugo-dno-tolko-ne-roman.html> (data obrashcheniya: 08.09.2016).

10. Postdok. O novom termine. «Kruglyy stol» // Iskusstvo kino. 2012. № 1. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2012/01/n1-article> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

11. Tyupa V. I. Diskurs / zhanr. — М. : Intrada, 2013. 211 с.

12. Tyupa V. I. Diskursnyye formatzii. Ocherki po komparativnoy ritorike. — М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010. 320 с.

13. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / M. Fuko. — М., 1996. 448 с.

14. Entsiklopediya obuvi. URL: <http://mir-obuvi.org/obuv/163-cheshki-obuv-dlya-tancev-i-gimnastiki.html> (data obrashcheniya: 14.02.2015).

15. Rozina T. A. Zhizn' dlinoyu v noch' // Samizdat. URL: http://samlib.ru/r/rozina_t_a/lebenineinacht.shtml (data obrashcheniya: 14.02.2015).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Снигирева.